

— Слышали? Великий царь соблаговолил приблизить к себе простую рабыню, что полы подметала! Как такая ничтожная девка смеет осквернять своим присутствием благородное тело нашего господина?

В одном из уголков дворца Чжантай собрались служанки. Они перешептывались, и в их голосах сквозило неприкрытое презрение, смешанное с жгучей завистью.

— И не говори! Принцесса Ци — особа столь высокого происхождения, а до сих пор не удостоилась царской милости. Говорят, она попыталась проучить эту девку, так великий царь так её отчитал, что мало не показалось! — подхватила другая, и в её глазах блеснуло злорадство.

— А вам не кажется это странным? Раньше великий царь был совершенно равнодушен к утехам, а теперь будто подменили. Уж не скрывал ли он какой недуг? — третья служанка нахмурилась, полная подозрений.

— Именно! Если бы великий царь на самом деле жаждал женской ласки, разве мало в гареме знатных принцесс и красавиц из разных земель? Почему он выбрал именно эту жалкую рабыню?

Женщины перебивали друг друга, и пламя зависти в их сердцах разгоралось всё сильнее.

— Хм, если она смогла добиться благосклонности, почему мы не можем? Мы все здесь служанки дворца Чжантай, и по красоте или талантам ничем ей не уступаем! — одна из них сжала кулаки, не в силах смириться с несправедливостью.

Во дворце Чанлэ наложница Чжэн читала книгу. Её служанка А-Нин опустила шелковый занавес у входа, чтобы укрыться от слепополуденного солнца, и принялась ворчать:

— Госпожа, говорят, великий царь снова оставил эту служанку по имени Цзинь у себя на ночь. Может, нам тоже придумать способ привлечь его внимание?

Последние дни А-Нин только и слышала слухи о Цзинь: о том, как самая низкая рабыня в одночасье стала госпожой; о том, что царь души в ней не чает и даже приказал покарать того, кто посмел её обидеть; о том, что она — красавица, чуть ли не лисица-оборотень, которая в благодарность за спасение отдалась великому царю.

Слушая это, А-Нин тревожилась за свою госпожу. Наложница Чжэн была самой знатной дамой в гареме после принцессы Ци. Она происходила из царского рода Чжэн, была отправлена в Цинь ради союза, а после объединения шести царств получила титул наложницы. Хотя царь не разделял с ней ложе, когда он приходил в её покои пообедать, он всегда просил её спеть песню

Гора Фусу.

— По мне, так первой, кого он должен был приблизить, были вы, госпожа, — с негодованием произнесла А-Нин. — Вы ведь первая из царских дочерей, кто заключил союз с Цинь.

Наложница Чжэн перевернула бамбуковую дощечку и усмехнулась:

— Какая разница, кто первая, а кто вторая? Нам не к спеху.

А-Нин бросила платок и воскликнула:

— Ох, госпожа моя! Чем раньше вы завоюете сердце великого царя, тем крепче будут ваши узы. Как вы можете быть такой спокойной?

Наложница Чжэн отложила дощечку и равнодушно ответила:

— Эта рабыня жалка. Она словно масло, брошенное в огонь: думает, что взлетела высоко, а на самом деле привлекла к себе лишь тысячи завистливых глаз.

В глубине души наложница Чжэн всё больше сочувствовала Нин Цзиньянь.

А-Нин лишь безмолвно развела руками, а затем добавила:

— А я не считаю госпожу Цзинь жалкой. Пусть титула у неё пока нет, но царь не только выделил ей отдельный двор, но и осыпал шелками, золотом, жемчугом и нефритом, да ещё и служанок приставил. Из рабыни — в фениксы.

А-Нин и сама не отказалась бы от таких даров. Кому охота вечно прислуживать?

Возвышение Нин Цзиньянь вновь пробудило в обитательницах гарема интерес к Шихуан Чжэну. Женщины, за исключением Чжао Цзи, принялись готовиться к тому, чтобы завоевать его внимание.

А сама виновница переполоха, Нин Цзиньянь, даже не подозревала, что её имя за одну ночь стало главной темой для обсуждения во всём дворце Сяньян, вызывая у одних зависть, а у других — ненависть. Она была смертельно уставшей и погрузилась в глубокий сон.

Вдруг она почувствовала тяжесть на теле. Полусонная, она открыла глаза и увидела перед собой прекрасное лицо Шихуан Чжэна.

Император вошёл во вкус. Каждый вечер, когда во дворце Чжантай зажигались огни, он нетерпеливо увлекал Нин Цзиньянь в тайны плотских утех.

Глядя на застенчивую и соблазнительную женщину под собой, он не удержался и прошептал:

— Почему мне кажется, что сегодня ты ещё более обворожительна, чем вчера?

Нин Цзиньянь в душе проклинала этого кобеля. Почему, если оба познали близость впервые, такая огромная разница? У неё ноги и поясница отнимались, и если бы не Пилюля Удовольствия от Системы, она бы не выдержала такой разницы в росте — метр девяносто шесть против метра пятидесяти девяти. А он? Семь раз за ночь, и наутро полон сил, готов идти на утренний доклад.

На щеках Нин Цзиньянь вспыхнул яркий румянец, голос её дрогнул:

— Великий царь, не насмехайтесь надо мной. Не говорите, что я обворожительна, если это разнесется по дворцу, меня назовут ведьмой.

Вид такой нежной и покорной Нин Цзиньянь привел Шихуан Чжэна в восторг, и он лишь сильнее уверился в своих силах.

— Уровень благосклонности императора +10!

Шихуан Чжэн, глядя на её испуг и стыд, решил поддразнить её:

— Разве ты не ведьма? Может, ты лисица, принявшая человеческий облик? Смотри, ты почти похитила мою душу. Мне хочется привязать тебя к себе и никогда не отпускать.

С этими словами он вновь коснулся её груди и припал к шее.

— Уровень благосклонности императора +20!

Система Фубао украдкой загибала пальцы, а затем округлила глаза от восторга:

— Сотня очков! Боже мой, Сяо Цзинь, ты самая талантливая из всех моих хозяек! Ты просто Дацзи во плоти! Скоро наберешь пятьсот очков!

В последнее время Шихуан Чжэн был буквально одержим Нин Цзиньянь. Едва наступал вечер, как он тут же укладывал её на ложе.

Служанка Сан Цинь, дежурившая снаружи, слыша стоны, больше не чувствовала зависти. Она

послушно ждала у входа, ожидая, когда её позовут. Эту ночь во дворце Чжантай снова несколько раз просили принести воды.

Нин Цзиньянь мысленно довольно улыбалась, упиваясь похвалой:

— Неплохо, неплохо. А что будет, когда наберется пятьсот очков? Какая от них польза?

Фубао сощурила глаза и пояснила:

— Польза огромная! Откроется торговый центр, сможешь обменивать очки на всё, что было в твоём прошлом мире. Всё, что можно купить за деньги — всё твоё.

Нин Цзиньянь вытаращила глаза от удивления и заикаясь спросила:

— Ты хочешь сказать, что хот-пот, чай с молоком, кофе — всё это можно?

У неё потекли слюнки, и она поспешно вытерла уголок рта.

Фубао закатила глаза:

— Неужели у тебя нет целей повыше? Только о еде и думаешь!

Нин Цзиньянь усмехнулась:

— А что ты предлагаешь? Купить Белый дом? Стать депутатом ООН? Мы в эпохе Цинь, мне что, Ламборгини купить, чтобы кататься?

Фубао осеклась и пробормотала:

— И то верно. Как я сама не догадалась?

Нин Цзиньянь махнула рукой:

— Ладно, будет время — составь список товаров с ценами. Я хочу посмотреть, сколько что стоит. Я так соскучилась по современной еде! В этой древности всё либо на огне жарят, либо варят, у меня от такой пресной пищи уже язык отсох.

Фубао сложила руки в поклоне и ответила:

— Слушаюсь!

На следующее утро поведение Шихуан Чжэна заставило остальных наложниц скрипеть зубами от злости.

Нин Цзиньянь только закончила умываться, как в комнату вбежала Сан Цинь:

— Госпожа, к вам пожаловала главная наложница со стороны великого царя!

Что случилось? Почему такая торжественность?

<http://bllate.org/book/18474/1772292>